

ISSN: 2958-5376
ISSN-L: 2958-5376

MUSEUM.KZ



ҒЫЛЫМИ-ПРАКТИКАЛЫҚ ЖУРНАЛ • НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ • SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

4(4)2023



УДК 069.01, 304.42, 323.1

ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ И ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ КЫРГЫЗСТАНЕ

К.М. Алмакучуков

Мемориальный дом-музей М.Фрунзе (Кыргызстан)

Аннотация: Между национальной идентичностью и исторической памятью существуют отношения взаимозависимости, поскольку социальная идентичность укоренена в памяти. Память воплощается не только в голове, но и в предметной и вещной среде, а исторический факт подкрепляется идентификационными маркерами коллективной памяти. Национально-государственное строительство требует возвращения в политику идентичности национально-ориентированной памяти (национального нарратива). Одним из важнейших инструментов (площадок) формирования (национализации) национального сознания и демонстрации «горизонтального единства» нации является пространство музея, инстанция «национального воображаемого» и модуса видения действительности, в котором знание о прошлом может помочь в решении насущных проблем. Опрос выявил необходимость в формировании новой коллективной памяти и обновлении «коллективной веры».

Материалы и методы исследования: Музейное пространство санкционированной интерпретацией, педагогическим и дидактическим воздействием на посетителя может перезагрузить коллективную/коммуникативную память. Концепция «мнемонических мест» (мест памяти/*lieux de memoire*) П. Нора (P. Nora) предоставляет новые теоретико-методологические ресурсы и возможности. Для чего нужно выявить основные события и явления в исторической памяти и элементы идентичности (имена, природные и антропологические объекты, вещи и события, памятники, слово и ритуалы, табу, символы и традиции, литература и искусство, и т.д.), которые могут быть использованы для последующей разработки рекомендаций по внесению изменений и дополнений в тематические структуры постоянных экспозиций музеев исторического профиля. Нами апробирована методика и проведен опрос методом анкетирования.

Ключевые слова: исторический музей, политика памяти/забвения, сгустки/места памяти, национальная идентичность, национально-государственное строительство.

Для цитирования: *К.М. Алмакучуков.* Исторический музей и его роль в формировании политики памяти и идентичности в современном Кыргызстане//MUSEUM.KZ. 2023. No4 (4). С. 60-66. DOI 10.59103/muzkz.2023.04.08

ТАРИХ МУЗЕЙІ ЖӘНЕ ОНЫҢ БҮГІНГІ ҚЫРҒЫЗСТАНДАҒЫ САЯСИ ЖАДЫ МЕН БІРЛЕСТІКТІ ҚАЛЫПТАСТЫРУДАҒЫ РӨЛІ

К.М. Алмакучуков

М. Фрунзе мемориалдық үй-музейі (Кыргызстан)

Андатпа: Әлеуметтік бірегейлік жадтан бастау алатындықтан, ұлттық бірегейлік пен тарихи жадының өзара тәуелділігі бар. Ұлттық-мемлекеттік құрылыс ұлттық бағдарланған жадтың (ұлттық баяндау) сәйкестік саясатына қайта оралуын талап етеді. Ұлттық сананы қалыптастырудың (ұлттандырудың) және ұлттың «көлденең бірлігін» көрсетудің маңызды құралдарының (платформаларының) бірі - кеңістігі. Сауалнама жаңа ұжымдық жады құру және «ұжымдық сенімді» жаңарту қажеттілігін анықтады.

Материалдар мен зерттеу әдістері: Музей кеңістігі рұқсат етілген интерпретация, келушіге педагогикалық және дидактикалық әсер ету арқылы ұжымдық/коммуникативтік жадыны қайта іске қоса алады. П. Нораның «мнемоникалық орындар» (*memory place/lieux de memoire*) тұжырымдамасы жаңа теориялық және әдістемелік ресурстар мен мүмкіндіктер

береді. Тарихи жадтағы негізгі оқиғалар мен құбылыстарды және тұлғаның элементтерін (аттар, табиғи және антропологиялық объектілер, заттар мен оқиғалар, ескерткіштер, сөздер мен салт-дәстүрлер, тыйымдар, белгілер мен дәстүрлер, әдебиет пен өнер және т.б.) анықтау неліктен қажет? Тарихи музейлердің тұрақты көрмелерінің тақырыптық құрылымдарына өзгерістер мен толықтырулар енгізу бойынша ұсыныстарды кейіннен әзірлеу үшін пайдаланылуы мүмкін. Біз әдістемені сынап көрдік және сауалнамалар арқылы сауалнама жүргіздік.

Тірек сөздер: тарихи музей, жад саясаты/ұмыту, ұйыған жерлер/есте сақтау орындары, ұлттық бірегейлік, ұлттық мемлекет құрылысы.

Сілтеме жасау: *К.М. Алмакучуков*. Тарих музейі және оның бүгінгі Қырғызстандағы саяси жады мен бірлестікті қалыптастырудағы рөлі//MUSEUM.KZ. 2023. No4 (4). 60-66 бб. DOI 10.59103/muzkz.2023.04.08

THE HISTORY MUSEUM AND ITS ROLE IN SHAPING THE POLITICS OF MEMORY AND IDENTITY IN MODERN KYRGYZSTAN

K.M. Almakuchukov

Frunze Memorial house-museum (Kyrgyzstan)

Abstract. There is a relationship of interdependence between national identity and historical memory, since social identity is rooted in memory. Nation-state building requires the return of nationally-oriented memory (national narrative) to identity politics. One of the most important tools (platforms) for the formation (nationalization) of national consciousness and demonstration of the “horizontal unity” of the nation is the space of the museum. The survey revealed the need to create a new collective memory and renew the “collective faith.”

Materials and research methods. The museum space, through authorized interpretation, pedagogical and didactic influence on the visitor, can reboot the collective/communicative memory. The concept of “mnemonic places” (memory places/lieux de memoire) by P. Nora provides new theoretical and methodological resources and opportunities. Why is it necessary to identify the main events and phenomena in historical memory and elements of identity (names, natural and anthropological objects, things and events, monuments, words and rituals, taboos, symbols and traditions, literature and art, etc.), which can be used for the subsequent development of recommendations for making changes and additions to the thematic structures of permanent exhibitions of historical museums. We tested the methodology and conducted a survey using questionnaires.

Keywords: historical museum, politics of memory/oblivion, clots/places of memory, national identity, nation-state building.

For citation: *K.M. Almakuchukov*. The history museum and its role in shaping the politics of memory and identity in modern Kyrgyzstan //MUSEUM.KZ. 2023. No4 (4). p.p. 60-66. DOI 10.59103/muzkz.2023.04.08

Введение.

В своей деятельности субъект политики, «преодолевая настоящее, постоянно предваряет будущее, в то же время преобразовывая прошлое» (Тогусаков, 1992: 17). «Функция науки не ограничивается только лишь объяснительными и предсказательными возможностями, наряду с ними она обладает и рядом других взаимосвязанных и взаимообусловленных функций. Одной из таких свойств является управленческая функция (предсказание, объяснение)» [Тогусаков, 1992: 33].

Терминология – это индикатор состоявшейся деятельности. Формулировка дефиниции представляет не только академический интерес, но и определяет прикладные аспекты и эффективность работы над национальной идентичностью. Рабочим определением национальной идентичности в данном исследовании выбрана дефиниция, согласно которой

национальная идентичность есть структурный элемент национального сознания, один из вариантов когнитивной установки, позволяющая индивиду отнести себя к той или иной референтной группе, найти подтверждение представлений о самом себе и определенным образом организовывать свое поведение. Особой высшей формой национального сознания является национальная идея.

Между социальной идентичностью и памятью существуют отношения взаимозависимости. Идентичность укоренена в памяти, идентификация – одна из функций (наряду с легитимацией) коллективной (заимствованной) памяти [Васильев, 2012: 63-64]. Память воплощается не только в голове, но и в предметной и вещной среде.

Целью государственной культурной политики, напомним, является не что иное, как стремление сохранить или изменить картину мира людей таким образом, чтобы это соответствовало интересам субъекта политики. Ведь по П. Бурдьё (*P. Bourdieu*), «главным в политической игре является не только монополия использования ресурсов политической власти, но и монополия производства и распространения политических представлений, и мнений» [Бурдьё, 1993: 37].

Государство создают не просто территории с охраняемыми границами, не только столицы с госучреждениями, конституции и символика, государство делает легитимным и жизнеспособным прежде всего население, обладающее национальным (само)сознанием, приверженностью и сопричастностью к этому государству. «Все это назвать страновым или гражданским национализмом, можно назвать патриотизмом, а можно национальным самосознанием (идентичностью)» [Тишков, 2013: 37].

Решение данной задачи требует возвращения в политику идентичности политики национально-ориентированной памяти, т.к. между национальной идентичностью и исторической памятью существуют отношения взаимозависимости. Одним из важнейших инструментов (площадок) формирования (национализации) национального сознания является пространство музея, использующее в работе с посетителями адекватные социальным вызовам диалогические модели взаимодействия и музейной коммуникации. Исторический факт подкрепляется идентификационными маркерами коллективной памяти, сложного эмоционального комплекса, связанного с воспоминаниями и когнитивными установками, призванного дать прочувствовать посетителю социальную роль прецедентного события, имени.

Дискуссия.

В массовом сознании исторический музей воспринимается как хранилище духовных ценностей и свидетельств исторической судьбы народа, во многом опирающихся на историческую «плоть» и некие сакральные и романтические концепты. Музей также является оплотом культурной традиции, чувственного опыта, связанных с иллюзией соприкосновения с вечными ценностями, основанной на магии артефакта-подлинника.

В профессиональной среде музеев, напротив, позиционируют его как социальный институт, как основной механизм генерирования особого модуса видения действительности и воспроизводства властных отношений, демонстрации «горизонтального единства» нации. В них возможны коллекционирование кодов и смыслов, извлечение сущностей из различных исторических эпох, идеологическая комбинаторика и моделирование исторической памяти, ритуал и перформативность. Каждый из них имеет определенную идеологическую нагрузку, определяя музей как инстанцию «национального воображаемого» и формируя утопический характер модели восприятия населением действительности и в конечном счете, поведение политиков и работу системы власти в целом.

Решение проблемы кризиса национальной идентичности требует возвращения политики памяти/забвения в сферу национального сознания. В период 1991-2020 гг. Кыргызстан испытывает многие вызовы, включая эволюцию «мест памяти» нации («*lieux de memoire*») – память сообщества: (1) отдельные из них постепенно предаются забвению или

вытеснению из памяти, в то время как другие (2) забытые «места памяти» возрождают свое или приобретают новое значение, либо (3) привносятся новые «места памяти».

«Значимость событий определяется их проекцией на будущее, то есть их восприятием в перспективе ожидаемого (моделируемого) будущего» [Святославский, 2013: 34] и сделать это должна новая коллективная память. При этом, с одной стороны, имеются риски появления сомнительных утверждений, не подкрепленных авторитетными источниками, а с другой, нельзя переоценивать роль политики памяти/забвения. Проявления национальной идентичности – это чувства принадлежности, включенности или, наоборот, отторжения [Кочетков, 2012].

Сгустки/места/моменты памяти, на основании которых можно реконструировать коллективную/коммуникативную память в Кыргызстане – это элементы фундирования национальной идентичности: имена, природные и антропологические объекты, вещи и события, памятники, слово и ритуалы, табу, символы и традиции, санжыра и верования, литература и искусство, и т.д.

Предложенная структура основных событий и явлений в исторической памяти, а также элементов идентичности позволят восстановить преемственность (поддержание, вытеснение, переопределение) элементов коллективной памяти (национально-ориентированная память, которая выполняет важные социальные функции), с которой общность хочет себя идентифицировать, будет способствовать пониманию закономерностей поведения человека, культурной обусловленности его мышления и мировоззрения.

Сама по себе напрашивается концепция постоянной экспозиции с рабочим названием «История Кыргызстана в 100 объектах», подчеркивающая специфику исторического контекста, открывающий культурные и социально-экономические суб-континентальные связи, способные раскрыть прошлое с самых необычных ракурсов: дипломатия, культура повседневности (одежда, кухня и т.д.), миграция, торговля и т.д. Очень важно продемонстрировать преемственность через их укорененность в настоящем, а также соответствующие отсылки к литературе, музыке и фильмографии, устные истории.

У каждой нации есть своя национально-ориентированная историческая память, влияющая на национальную идентичность. Используя методику французского историка П. Нора (*Pierre Nora*) «Места памяти» нами выявлены «символические объекты (отдельные местности, памятники, события, ритуалы, символы и традиции, вещи и события и т.п., составляющие многообразие национальной идентичности) в совокупности, составляющие материал, из которого конструируется историческая/коллективная (заимствованная) память в Кыргызстане.

Поскольку стояла задача апробировать методику, то нами был проведен опрос методом анкетирования, в котором приняли участие 50 респондентов, в том числе 4 академика Национальной академии наук, 6 докторов наук, 10 кандидатов наук, представители экспертной среды. Биографический возраст респондентов от 20-40 лет (3 чел.), 40-60 лет (30), старше 60 (17), т.е. охватывает хронологический период вторую половину XX-в. и начало XX-в., включая период независимости, что позволяет зафиксировать эволюцию «мест памяти» нации.

Профиль респондентов: гуманитарии (43), естественно-научный (7). По сфере деятельности (допускалось двойное позиционирование): государственная служба (4), сфера образования (9), сфера академической науки (10), сфера культуры (14), бизнес-среда (2), неправительственный сектор (16). Опрос проведен в период январь-июнь 2022 г. В закрытые вопросы опросника специально включали варианты, чтобы подвинуть респондентов на отход от стереотипов и установок.

Итак, «горизонтального единства» нации не просматривается, т.к. более половины респондентов на вопрос «В стране больше согласия и сплоченности (доверия), чем несогласия и разобщенности?» ответили отрицательно. Что касается «коллективной веры»,

то на поставленный вопрос «Как Вы оцениваете направление движения страны?» только 6 ответили утвердительно – «правильным». Поведение респондентов определяют (допускается множественность ответов) «планы, мечты, обязательства» (27) и «повседневные заботы» (26), а духовные практики – менее всего (15). Попытка выявить «радиус доверия» через постановку вопроса о возможности доверия незнакомому человеку показывает паритет: сумма «скорее нет, чем» и «нет» (26) против суммы «скорее да, чем нет» и «да» (24). Это относится к диагностированию состояния и перспектив горизонтального взаимодействия.

Поскольку память соткана из воспоминаний, в том числе и ложных, то, на заданный вопрос о словесных ассоциациях со страной, большинство респондентов сделали выбор на известных максимах и морализаторских формулах (допускается множественность ответов): «Сен таза болсон, мен таза болсом – коом да таза болот!»/«Если ты и я будем не запятнанными, то и общество будет чистым!» (27), «Эркиндик»/«Свобода» (11) и «Ак ийилет, бирок сынбайт»/«Белое гнется, но не ломается» (10).

На поставленный вопрос о реальных исторических деятелях и нарративных персонажах, оказавших наибольшее влияние на ход истории страны (допускается множественность ответов), респонденты отметили В.И. Ленина (20), Ж. Абдрахманова (18), эпического героя Манас и Ч. Айтматова (по 15). Далее, на аналогичный вопрос о прецедентных событиях, получили следующий расклад (допускается множественность ответов): Великая Октябрьская социалистическая революция (29), обретение независимости в 1991 году (25), присоединение Киргизии к Российской Империи в 1861 году (17). Таласская (Атлахская) битва 751 г., с которой началось вытеснение буддизма и распространение ислама, получила всего 6 упоминаний. Попытки подвигнуть на более глубокие размышления через провокативные вставки о других событиях («Перестройка», «Исход 1916» и т.д.) не дали результата, не говоря уже о других событиях из более глубокой древности. То есть мы имеем дело с четко структурированными сгустками памяти – коммуникативной и коллективной памятью 2-х последних поколений.

Что касается идентификационных маркеров в предметной и вещной среде, то респонденты достаточно предсказуемы (допускается множественность ответов): юрта (35), национальная одежда (22), национальные орнаменты (21), флаг страны (18), «традиционная» музыка (17). Цветовых ассоциаций как у жителей Нидерландов нет. В культуре повседневности, каркасом которой являются цикличные праздники, респонденты считают универсальными и устраивающими всех жителей страны празднование Нового года (35) и Нооруз (20). Празднование Дня Независимости и День Победы, мусульманские праздники (Орозо Айт/ Рамазан и Курман Айт/Курбан Байрам) таковыми не признаются (допускалось множественность ответов).

Попытка вычлнить идентификационные маркеры через символы в природной среде (допускается множественность ответов) дала следующий профиль предпочтений: Иссык-Куль (43), горы (40). Ассоциаций с землей исхода Алтаем, Енисеем – всего 4. В мире можно часто встретить емкую национальную символику – идентификаторы, в основе которых символические образы (фауна, флора, природные и антропогенные объекты). С точки зрения респондентов (само)идентификаторами Кыргызстана в номинации «фауна» являются беркут (31), снежный барс (26), кыргызская порода лошади (13). Если учесть, что кыргызская порода лошади практически исчезает, то это больше фантом. Приведем строки из кыргызского фольклора:

Родовитый, как беркут,
Ловчий, как кречет,
Мстительный, как сокол-сапсан,
Мясистый, как перепел,
Чуткий, как сорока.

Бүркүттөй тектүү,
Шумкардай эптүү,
Ителгидей кектүү
Бодонодой эттүү,
Сагызгандай шектүү.

В номинации «флора» – арча/можжевельник (20), цветок Айгуль/Лунный цветок (19), ель Тянь-Шанская (16). Символика дерева – не только часть (само)идентификации, это – скорее образное мышление и прагматика, нежели эстетика. Хлопок и пшеница никак не ассоциируются с Кыргызстаном и поэтому геральдистам стоит задуматься над перепрошивкой герба страны, где присутствуют сокол, пшеница и хлопок. Когда мы научимся видеть и творить окружающую среду?

Как мы знаем, в памяти хранятся не только позитивные воспоминания, но и есть такие, о которых стараются не говорить или не одобряются обществом (не проработанные травмы), либо не поощряются властями. Одним из таких событий, принесших национальное унижение и страдание, является Уркун/Исход, имевший место с 1916 г. по 1937 г., хотя абсолютное большинство жителей страны привязывают его только к 1916 г. В краткосрочной ретроспективе события 2005, 2010 и 2020 гг., одновременно проходят через чувства «гордость», «унижение», «радость», «страдание», что указывает на то, что еще нет ценностно-нормативного консенсуса.

Одним из условий укоренения воспоминаний является их ритуализация и институциональные практики (повторение, практика, соблюдение). Ритуал благословения (41) признается самым приемлемым (допускалось множественность ответов). Респонденты в ассоциативном ряду природных стихий связывают себя с «землей» (24) и «водой» (21), нежели с «огнем» и «воздухом» – по 4. Что очень информативно для последующего использования в качестве подкрепления нужных когнитивных установок.

Поскольку нам прохождение эволюционного этапа этнической идентичности на пути возвращения гражданской и национальной идентичности на основе со-гражданства, по всей видимости, не избежать, то стоит ответить на весьма прозаический вопрос «Какие качества кыргызов Вы считаете позитивными?» (допускается множественность ответов). Из полученных ответов гостеприимство (24) и адаптивность (19) вряд ли пригодны для формирования «горизонтального взаимодействия». Возможно, может быть воплощен принцип «соседского взаимодействия» через потенциал толерантности (18) и товарищеской взаимопомощи (15). «Созидательный труд» как искомое качество – аутсайдер опроса (4).

На комплементарный вопрос о негативных качествах респонденты указали на расточительность, лень, завистливость, необязательность, ведомость, конформизм, доверчивость и т.д. Полагаем, что данная предметная область требует профессионального анализа и интерпретации.

Таким образом, опрос выявил необходимость в формировании (конструировании) новой коллективной памяти, ее перекодировки и обновления «коллективной веры». Респонденты в принципе могут изменить свои убеждения в результате рефлексии (13), под воздействием «новой информации» (11). Но это уже задача социального управления.

ЛИТЕРАТУРА

Бурдые П. Социология политики. М., 1993.

Васильев А.Г. Аксиология коллективной памяти и проект евразийской идентичности. В сборнике материалов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Л.Н. Гумилева «Культурное наследие Северной Евразии: проблемы и перспективы освоения». Якутск: 2012 [Электронный документ]. Режим доступа https://books.google.kg/books?hl=ru&lr=&id=OojvBQAAQBAJ&oi=fnd&pg=PA63&ots=y476_Fzs3D&sig=Iiya-sSHK1UtCVAoy-OnOoYGaAY&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (20.02.2021).

Кочетков В.В. Национальная и этническая идентичность в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. №2.

Святославский А.В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. М.: «Древлехранилище», 2013. 592 с.

Тогусаков О.А. Понятие предвидения и его методологическое значение для научного познания (09.00.08.). Автореф. дисс. ...соиск. н.ст. ...д.филос. наук. Алма-Ата: 1992. С. 36.

Тишков В.А. Российский народ. История и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. 649 с.

REFERENCES

Burde P. Sotsiologiya politiki. M., 1993. (In Russian)

Vasilev A.G. Aksiologiya kolektivnoi pamyati i proekt evraziiskoi identichnosti. V sbornike materialov mejdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchenoi 100-letiyu so dnya rojdeniya L.N. Gumileva «Kulturnoe nasledie Severnoi Evrazii: problemy i perspektivy osvoiniya». Yakutsk: 2012, [Elektronnyi dokument]. Rejim dostupa https://books.google.kg/books?hl=ru&lr=&id=OojvBQAAQBAJ&oi=fnd&pg=PA63&ots=y476_Fzs3D&sig=Iiya-sSHK1UtCVAoy-OnOoYGaAY&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (20.02.2021). (In Russian)

Kochetkov V.V. Natsionalnaya i etnicheskaya identichnost v sovremennom mire. // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya. 2012. №2. (In Russian)

Svyatoslavskii A.V. Istoriya Rossii v zerkale pamyati. Mehanizmy formirovaniya istoricheskikh obrazov. M.: «Drevlehraniliще», 2013, 592 p. (In Russian)

Togusakov O.A. Ponyatie predvideniya i ego metodologicheskoe znachenie dlya nauchnogo poznaniya (09.00.08.). Avtoref. diss. ...soisk. n.st. ...d.filos. nauk. – Alma-Ata: 1992. P. 36. (In Russian)

Tishkov V.A. Rossiiskii narod. Istoriya i smysl natsionalnogo samosoznaniya. M.: Nauka, 2013. 649 p. (In Russian)

Автор туралы мәлімет: Алмакүчуков Кенешбек Мұқашұлы – М. Фрунзе мемориалдық музей-үйінің директоры (720040, Фрунзе көшесі, 364, Бішкек, Қырғызстан), экономика ғылымдарының докторы. E-mail: keneshalma@mail.ru

Сведения об авторе: Алмакучуков Кенешбек Мукашевич – директор Мемориального дома-музея М. Фрунзе (720040, ул.Фрунзе 364, г. Бишкек, Кыргызстан), доктор экономических наук. E-mail: keneshalma@mail.ru

Information about the author: Keneshbek M. Almakuchukov – director of the M. Frunze Memorial House-Museum (720040, Frunze St. 364, Bishkek, Kyrgyzstan), Doctor of Economics. E-mail: keneshalma@mail.ru